

Девочка из старого чемодана

Полина своего папу ни разу не видела, потому что её нашли. Вернее, сначала нашли чемодан, а в нём обнаружили маленькую Полю. «Шла я себе, шла, — часто рассказывала ей мама Вера, — уже толком не помню, куда и когда... Может быть на работу, а может быть в магазин. И вдруг глядь — чемодан! Ну, думаю, возьму себе, в хозяйстве пригодится. Принесла домой. Открываю... Батюшки! А чемодане-то маленькая девочка лежит, Полюшка. То-то радости было!»

Время от времени Полина просила достать этот былинный клетчатый чемодан с молнией и подолгу его рассматривала. Иногда она залезала в него и опускала крышку. В темноте и тесноте лежать было очень интересно. Правда, с годами чемодан сильно уменьшился, и повзрослевшая Полина вместо себя стала укладывать в него куклу Наташу.

В детском саду историю происхождения Поли мальчики и девочки, в общем, принимали, хотя и с некоторым недоверием. А вот в школе над Полиной уже откровенно ржали.

«У неё папа — чемодан!» — заявил как-то на уроке один очень неприятный одноклассник, когда Поля, стоя у доски, никак не могла найти решение простой задачи. И весь второй «Бэ» взорвался диким гоготом.

После этого случая тайну своего рождения Поля больше никому не открывала. А потом и вовсе о ней позабыла. Насыщенная всякими событиями жизнь постепенно растворила её интерес к собственному происхождению.

Студенты универа не давали Полине прохода, считая её чуть ли не самой красивой на курсе. Тем не менее, близко к себе она никого не подпускала, но и не задавалась особо.

Однажды, возвращаясь посреди ночи с вечеринки, устроенной по поводу окончания сессии, Полина увидела стоящий прямо на тротуаре модный дорожный чемодан на колёсиках, с выдвигной ручкой. Оглянулась — никого, пустыня. «Эй, кто потерял чемодан?!» — громко крикнула она. В ответ — безмолвие. Неожиданно внутри этой пластиковой тумбочки кто-то пискнул и зашевелился. Полина прижалась щекой к стенке чемодана и получила несильный тычок в ухо, будто какой-то невидимый лилипут, находящийся под замком, решил продемонстрировать удар из арсенала карате.

«Ого! — опешила Поля, — должно быть там кто-то есть!»

Открыть найденный чемодан удалось не сразу, так как он был щедро замотан прозрачной аэропортовской плёнкой.

«Видимо, из-за границы прибыл, — предположила мама Вера, — кто же там пиццит?»

В чемодане на колёсиках оказалась девочка-младенец. Её назвали Наташей.

«Вот, видишь, — сказала мама Поли, — как это всё происходит. А кто-то, ведь, сомневается».

Усмехнувшись, мама, вернее, теперь уже бабушка Вера, встала на табуретку и достала с антресолей старый чемодан. Только не тот, клетчатый с молнией, а какой-то картонный с металлическими углами, совсем древний, потёртый временем.

«Вот, — торжественно объявила Вера, — этот чемодан когда-то давно нашла моя мама, то есть твоя бабушка Оля. В нём была я. Хорошо, что меня нашла именно она, а не кто-то иной. Потому что, если бы не она, я и не знаю, чтобы со мной произошло. Даже страшно подумать. Наверно, это всё не случайно, как ты считаешь?»

Когда Наташа и бабушка Вера заснули, Полина решила заглянуть на антресоли, чего раньше никогда не делала. За обшарпанными дверками лежал новенький пластиковый чемодан на колесиках, за ним — клетчатый на молнии, далее — коричневый из картона с металлическими углами, следом — какой-то кожаный толстяк с двумя большими ремнями, за ним — деревянный ящик с ручкой, неуклюжая торба, большой старомодный рюкзак...

Тесный прямоугольный туннель, забитый чемоданами, баулами, огромными саквояжами, дорожными сумищами, сундуками, уходил в бесконечность...

Альтаир

Я встретил её через тридцать лет. Мы ехали в одном вагоне. Она сидела напротив и читала какую-то полуглянцевую хрень. Нога на ногу. Джинсы, блузка, русый хвост с редкими серебряными нитями седины. Да... Годы её не пощадили. Но и не изуродовали окончательно. Что-то от пионервожатой Марины осталось. Тогда она мне казалась высокой, лучистой, рельефной. На самом деле, она такой и была. А нынче Марина выглядела скомканно, слегка обвисло, но, тем не менее, глаза её сверкали всё также задиристо — пионербольно, эстафетно, кострово, аккордеоново.

— А дело было так, — начал я вспоминать, когда мы присели под зонтик первого попавшегося кафе, — я был крупным, не в меру развитым мальчиком. Ну и... немножко обижал ребят. А чё? Разве я виноват? Акселерация, так сказать.

Марина ухмыльнулась и отпила кофе.

— Ну и ты, видя это безобразие, решила меня, значит, проучить. Теперь-то я понимаю, что это был такой педагогический ход. Ты же в педу училась?

— Не доучилась, — ответила Марина. Её бархатный низкий голос вообще не изменился. — На третьем курсе замуж выскочила. Родила. Потом тут же развелась. Дальше уже не до учебы было. Так ты — тот самый бугай, который весь мой отряд замордовал?

— Что значит «замордовал»? — засмутился вдруг я, — что значит «бугай»? Я же не в полную силу...

— Ничего себе... Да от тебя, гада такого, весь наш «Альтаир» рыдал. Хотя старая история... Я её уже плохо помню. Ну-ка освежи, что мы там учудили?

И я напомнил Марине, как она вызвала меня на открытый поединок. Мы решили бороться на глазах у всего отряда, в высокой траве, неподалеку от нашего купального пруда. Она явилась в коротких шортах, то есть, в обрезанных до предела джинсах «Артек», и в широкой рубаше, завязанной узлом на животе. А я, как индеец, разделся до пояса, оставшись в одних трениках. Настроение у меня было боевое, хотя и немного тревожное — всё-таки не каждый день приходилось бороться со взрослым человеком, да еще с тётей...

Уже в двенадцать лет, благодаря урокам моего бывалого деда, я в совершенстве владел несколькими подсечками и бросками из арсенала самбо. Поэтому не удивительно, что через несколько секунд после начала схватки я положил Марину в траву. Правда, она тоже оказалась не промах — не дала своим лопаткам коснуться земли, очень ловко вывернулась и вскочила на ноги. Мишка, председатель совета отряда, судивший поединок, не засчитал, сволочь очкастая, её поражения. Потом я еще несколько раз кинул Марину, но она все время шустро, словно кошка, выскакивала.

В пылу схватки её русые локоны выбились из кос и упали на лицо, доставая до губ. Поэтому Марине приходилось поддувать их, чтобы волосы не закрывали глаза. Щеки Марины покраснелись, синие глаза рассыпали яростные искры, рубашка развязалась, выставив красный купальник. Я поплыл...

А наш отряд неистовствовал, аккомпанируя битве криками и свистом. Все, разумеется, болели за Марину. Особенно рьяно её поддерживали девочки. Видимо, я действительно доконал весь наш отряд.

Постепенно Марина изучила мои борцовские штучки и перестала падать. Зато все чаще стал валиться я. В итоге она прижала меня так крепко, сжав одновременно своими сильными руками и ногами, что я понял: песец.

— Сдавайся! — требовала она, горячо дыша в ухо. От неё пахло детским мылом «Незабудка», какими-то неведомыми моему чуткому обонянию духами и еще чем-то совсем непонятным. Я лежал, прижатым к земле сильным телом Марины и рыдал от обиды.

— Это было ужасно, — признался я, — просто детская психологическая травма на всю жизнь. Не знаю, как я это пережил. Не понимаю, как я с этим живу.

— Неужели? — Марина приподняла уголок рта. — Хочешь взять реванш? Пойдем.

Недопив кофе, мы направились к Марине домой.

Она жила в однокомнатной, но довольно просторной квартире, вполне пригодной для борцовской схватки. Там было, где размахнуться, так сказать.

— Сын уже несколько лет живет отдельно, — объяснила Марина.

Пока я готовился к поединку, снимая свой офисный костюм, Марина зачем-то улеглась в кровать, раздевшись, что называется, до «нижнего белья».

— Всё, ты — победил, — сообщила она, — когда я вошел в комнату. Видишь, я уже на лопатках.

— Погоди, — не согласился я, — так не честно. Какой же это реванш? Все должно быть по правилам. Что ты затеяла?

Марина села, опустив ноги с кровати.

— Ты мудак? — спросила она.

— Да, — угрюмо ответил я.

— Знаешь, что? Вали отсюда, победил хренов.

Я быстро собрался и направился к двери, перекатывая в голове необычное существительное мужского рода — победил. Кто такой победил? Где он обитает? Это, небось, исчезающий вид эндемического пресмыкающегося.

Когда я перешагивал через порог, Марина кинула мне в спину:

— Не было никакой борьбы. Ты всё выдумал. Обычные фантазии и сны мальчика. С годами сон и явь сливаются. Забудь об этом.

А потом еще тихо добавила, чуть ли не шепотом:

— И в пионерском лагере я никогда не работала. Я, вообще, в те годы жила в другой части света. Отсюда — неделя на поезде. И зовут меня не Марина, а Таня.

Лее

Я возвращался из школы с портфелем полным двоек. Передо мной плыла стройная женщина в обтягивающих джинсах. Она двигалась, едва касаясь высоким каблуками асфальта. Завороженный ее формами, я семенил за этим чудом, словно мопс на поводке. Формы играли, я млея, чувствуя, что буду плестись за ней, покуда хватит времени и сил. Так и шел, не в состоянии оторвать глаз от фантастического явления.

Ко мне подскочили два обалдую-одноклассника:

— Пойдем, — сказали они, — на тарзанке кататься.

— Нет, — ответил я, — Какая тарзанка? Не могу. Мне надо уроки делать. Отстаньте! Я домой спешу!

Пока я от них отбивался, моя тёлка в джинсах критически удалилась. Она фактически исчезла. Но я все же её не потерял из виду. Небольшая пробежка и, вот, затянутая дефицитными джинсами тайна снова заулыбалась мне.

— Алё! — услышал я строгий голос своего дедушки, — ты куда намылился? Уроки сделал? Что с тобой? Ты вроде как не в себе. Уж не принимаешь ли ты наркотики?

— Подожди, дед! — грубо ответил я, — тут такое дело... Я скоро приду домой. Хочу погулять чутка. Мне воздух нужен. Врач прописал побольше гулять».

Я догнал незнакомку в джинсах. Но вот незадача: меня опять попытались отвлечь от объекта наблюдений какой-то ерундой. Так, периодически сбиваясь

с курса, я плелся за божеством в джинсах «Лее», невесть сколько времени. А может быть, она плыла вовсе не в «Лее», а в «Рифле». Или в «Монтане»... Да, скорее всего, в «Монтане».

Пока я ее преследовал, вокруг промелькнуло дикое количество событий — страшных и радостных, весёлых и грустных, счастливых и печальных. Картина сменялась картиной, одни лица уступали место другим, а я все брёл, брёл, брёл...

И вот сегодня я обнаружил, что начал слегка отставать от стройной тёлки в «Лее». И как только я это осознал, откуда ни возьмись, рядом появился незнакомый подросток — наглый, энергичный, рыжий перец с татуировкой на шее.

— Вам плохо, бабушка? — спросил он. — Давайте я помогу вам до лавочки дойти. Вы устали, наверно?

— Спасибо, дорогой, не надо, — ответил я. — Всё нормально.

— Да нет, я вижу, что вы очень устали... Садитесь, пожалуйста. Вам нужен покой.

И этот наглец силком вытолкнул меня с дорожки, вдавил в парковую лавочку и вставил в трясущуюся жмень рукоять моей клюки.

— Вот так, вот и хорошо, вот и супер. Вы тут сидите и не нервничайте...

Парень уставился на стремительно удаляющуюся женщину в джинсах.

— Вот это чикса! Охренеть! Ну вы тут, дедуля, отдохайте, а мне пора. Дела, дела!

Он бросился преследовать мою путеводную звезду. Правда, догнать её пацан почему-то не мог. Или не хотел.

— Не смей называть её чиксой, подонок! — крикнул я ему вслед.

Но вместо слов из моего горла вырвался глухой кашель. Мечта в джинсах и молодой мерзавец скрылись за горизонтом, а рядом со мной на лавочку присела сдобная бабушка и добродетельно поднесла ко мне пухлую ладошку с таблеточкой валидола.

Какая-то ерунда получается...

Павел Сергеевич серьезно заболел... А если говорить начистоту, заболел тяжело, безнадежно, люто. Неприятное, конечно, событие, но для его почтенного возраста — вполне естественное. Как бы цинично это ни звучало. Внучка Катя, глядя на умирающего деда, подумала, что он и его недавно появившийся на свет правнук Павлик, почти ничем не отличаются. Оба — беспомощны, незащитны, некоммуникабельны; оба требуют постоянного присмотра, ухода, заботы. Только если забота о Павлике вызывает у всех улыбочливое умиление, то хлопоты вокруг Павла Сергеевича сопровождаются суровыми мыслями о долге. И если рядом с Павликом домашние могли крутиться с утра до вечера, то около старика, лежащего, кстати, за стеной детской комнаты, находились исключительно по необходимости.

В больнице Павлу Сергеевичу вначале чуток полегчало, а потом стало гораздо, гораздо хуже. В итоге его перевели в реанимационное отделение и подключили к разным жизнеобеспечивающим аппаратам.

— Делаем все, что в наших силах, — привычно развел руками врач, беседуя с Катей и другими родственниками Павла Сергеевича. — Однако, готовьтесь. Сами понимаете — возраст. Восемьдесят один годик — это не шутка. Рано или поздно человеческий организм выходит из строя окончательно. Хотя, некоторые в эти годы еще работают и даже женятся...

Там, в реанимации, сознание Павла Сергеевича потускнело, и он как-то совсем потерялся в пространстве и времени. Непрерывающаяся боль стала единственной константой его бытия. В редкие минуты просветления Павел Сергеевич молился Богу, хотя верующим по большому счету себя не считал. Когда страдания стали совсем невыносимыми, он, что обычно и происходит в подобных ситуациях, принялся звать на помощь маму.

Павел Сергеевич рисовал в своем воображении встречу со своей родительницей. Вот, думал он, мама заходит в отделение и направляется к его многофункциональной кровати, чтобы утешить своего мальчика; молодая, очень красивая брюнетка, покинувшая сей мир, увы, очень рано — в двадцать восемь лет, склоняется над койкой и видит в ней какое-то жуткое безобразие, украшенное трубками, проводами, пигментными пятнами и клочками седых волос.

Молодая элегантная женщина в легчайшем послевоенном ситцевом платье смотрит на эту развалину и испуганно шепчет:

«Кто это? Что это? Ничего не пойму... Ерунда какая-то получается... Ну и что мне теперь делать? Разве что погладить этот череп, обтянутый пергаментом желтой кожи».

Эти мысли вызвали у Павла Сергеевича недоумение и чудовищный стыд: «Нелепость какая-то... Что за чушь?!»

Павел Сергеевич решительно, как партизан на допросе, сжал беззубые челюсти и перевернулся на другой бок: «Еще посмотрим!» Один из аппаратов пискнул о том, что работа организма Павла Сергеевича начала нормализовываться.

Когда поправившегося Павла Сергеевича выписывали из больницы, удивленный врач сказал Кате:

— Ну что вы хотите? Медицина — не всесильна. Всякое бывает. Впрочем, я ведь говорил, что в его возрасте некоторые старики еще работают. У них, у военных детей, порода, знаете ли, такая, закаленная.